

Друг мой, Колька

ИЕ СТАЛО Николая Николаевича Озерова — патриарха и учителя многих российских теле- и радиожурналистов, да и вообще всех пишущих о спорте в нашей стране. И собеседника, и друга для тех, кто любит спорт. А знаете ли вы, как любил спорт Николай Николаевич?

Он вечно разрывался между тремя страстями своей жизни — театром, теннисом и футболом.

Он сыграл более двадцати ролей во МХАТе, театре, который любил больше всего, и мы до последнего дня скрывали, что ТЭФИ, последнюю награду в его жизни, ему будут вручать не во МХАТе чеховском, как он думал, а в новом, имени Горького.

Озеров смотрел церемонии по телевизору, в больнице. Я позволил ему сразу после награждения. Он плакал.

Озеров жил в трудное время, когда живому человеческому голосу нелегко было пробиться с телеэкрана сквозь толщу советского официоза. Но парадокс в том, что Колю любили все: и партийные руководители, не представлявшие себе хоккейный или футбольный матч в ином «голосе», и простые люди, принявшие как афоризм его «Такой хоккей нам не нужен!» или истинный вопль «Го-о-о-о-ол!».

Он очень любил юмор. И когда мы общались (в последнее время больше по телефону), вместо: «Как дела?», всегда спрашивал:

«Что веселого?» Поэтому я расскажу смешные истории из нашей с ним жизни (Коля всегда смеялся, когда их рассказывал).

Однажды мы с ним освещали хоккейные соревнования в Канаде. Вдвоем. А с канадской стороны трудились сотни корреспондентов и работников телевидения. За день мы так уставали, что приходили в отель и тут же заваливались спать. А тут еще разница во времени восемь часов. Жили мы в роскошном отеле (за счет хозяев), и наша горничная никак не могла убрать у нас в номере. Вечером и ночью мы работали, а днем... спали. Один раз она к нам зашла — мы спим, второй раз сунулась — спим. На третий раз горничная, пышная негритянка, узнав, что мы из России, пришла к нам и решительно сказала по-русски:

— Хлопцы, тикайте! Я буду убираться.

Сна, естественно, как не бывало. Мы, потрясенные, ушли. А позже узнали, что ее мама негритянка, а папа украинец...

Или другая история. В 1952 году на базу нашей сборной в Финляндии приехали тренеры болгарской команды, с которыми сборной Союза предстояло играть очередной матч олимпийского турнира. Тренер команды Михаил Якушин сказал Озерову, чтобы тот надел футболку с девятым номером и вышел «постучать» по воротам. Болгарские тренеры обратили на это внимание и отметили, что «центрфорвард российской

команды очень метко обстреливает ворота, но грузноват».

Во время поездки в Бельгию с футбольным «Спартак» Озеров, как обычно, вышел поиграть с командой на тренировку. После двухсторонней игры бельгийский болельщик, наблюдавший тренировку, сказал: «В футбол вы играете неплохо, а в теннис, наверное, вообще не умеете». Николай Деметьев — один из тренеров «Спартак» — возразил бельгийцу:

«Мы — спортсмены, и в теннис многие из нас играют очень хорошо. Хотите, завтра сразитесь с нашим запасным? Он немножко потерял форму из-за лишнего веса, но на теннисном корте окажет вам сопротивление».

Бельгиец не стал скрывать, что он шестая ракетка Бельгии, но Озеров согласился играть даже с этим условием.

Смешно было видеть на следующий день, как бельгийский тен-

нисист проигрывал Озерову сет за сетом, менял ракетки, раздевался, но ничего не помогало...

Мне очень грустно сейчас. Но именно этими маленькими веселыми случаями из нашей так быстро промелькнувшей жизни я бы хотел проститься со своим другом, великим теннисистом и величайшим спортивным комментатором нашего времени Николаем Озеровым.

Владимир ДВОРЦОВ

